
ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР
ЧАСОВОЙ ДОМ
АКАДЕМИЯ УЗЛОВ

Ольга Закотянская

«Часовой Дом: Академия Узлов»

«Автор»
2026

Закотянская О. М.

«Часовой Дом: Академия Узлов» / О. М. Закотянская — «Автор», 2026

В городе на стыке четырёх миров магия — это не заклинания, а невидимые узлы и связи между вещами, людьми и событиями. За каждое волшебство приходится платить собственным временем — мгновениями жизни, что утекают, словно песок.Двенадцатилетняя Кира Вель не умеет творить магию, но чувствует связи как лёгкую вибрацию на коже. Когда в городе начинают рвать важные узлы, реальность даёт трещины: улицы пропадают, время сбивается, границы между мирами истончаются. Кира получает приглашение в Академию Узлов — в Часовой Дом, лабиринт зданий, который каждую ночь перестраивается.Вместе с друзьями — Лией, которая умеет укреплять вещи, и Тоби, слышащим связи в ритме звуков, — Кира выясняет, что бывший ученик Академии Орис хочет освободить магию от цены времени и готов ради этого разрушить равновесие миров. Среди пропавших может быть и сестра Киры.Кире предстоит понять: порой самый смелый поступок — не разорвать узел, а помочь ему затянуться правильно.

© Закотянская О. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение к книге «Часовой Дом: Академия Узлов» 5
Глава 1. Тень, которая назвала её по имени 6
Глава 2. Первый урок: цена одной нити 9
Глава 3. Библиотека, которая не хотела говорить 12
Глава 4. Цена одного вопроса. 15
Глава 5. Узлы на ветру 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

«Часовой Дом: Академия Узлов»

Введение к книге «Часовой Дом: Академия Узлов»

Город стоял на перекрёстке четырёх миров — и потому жил не по обычным часам. Здесь время не просто шло: оно цеплялось за углы домов, застревало в узких переулках, а на широких площадях срывалось в бег, будто опаздывало на собственную встречу. Улицы здесь умели прятаться: стоило на секунду отвести взгляд — и знакомая дорога превращалась в тропинку, ведущую туда, где ты никогда не бывал.

Люди давно привыкли к странностям города. Кто-то говорил, что это из-за старых узлов — невидимых связей, которые держат реальность вместе. Другие шептались, что кто-то эти узлы потихоньку рвёт. Но почти никто не умел их видеть. Почти никто не чувствовал, как вибрирует воздух там, где тянется тонкая нить судьбы.

Кира Вель чувствовала. Она не знала, почему её кожа отзывается на чужие связи, будто по ней пробегает тихий электрический ток. Она только знала, что это делает её странной. Воспитатели в приюте старались не оставлять её рядом с важными вещами: вдруг она «почувствует» что-то лишнее. А Кира просто хотела понять, куда исчезла её сестра. Год назад Мира ушла за хлебом — и растворилась в одном из тех переулков, где время течёт не так, как везде.

А потом в дверь постучали.

На пороге стоял человек в длинном пальто, из-под которого выглядывали часы на цепочках — сразу несколько, с разными циферблатами. Его звали Эран, и он был куратором первого курса в Часовом Доме — Академии Узлов. Он протянул Кире конверт без адреса, с узором из переплетённых линий. И когда она коснулась тиснения, по пальцам пробежала знакомая дрожь — только в тысячу раз сильнее.

Это было приглашение. И, возможно, единственная ниточка, которая могла привести её к сестре.

Часовой Дом ждал. Лабиринт зданий, который каждую ночь перестраивался, будто искал верный порядок. Школа, где учили не заклинаниям, а тому, как видеть, связывать и беречь нити, удерживающие мир. И где за каждое волшебство приходилось платить мгновениями собственной жизни.

Кира сделала шаг вперёд. За спиной щёлкнула дверь приюта. Впереди шевельнулись тени, складываясь в очертания новой дороги.

Она ещё не знала, что этот шаг изменит не только её судьбу — но и судьбу всего города на перекрёстке миров.

Глава 1. Тень, которая назвала её по имени

Кира не любила переулок за приютом. Он был слишком тихим — а тишина в этом городе всегда означала, что вот-вот случится что-то странное. Сегодня тишина была особенно плотной, будто её набили ватой между кирпичами домов.

Кира шла, стараясь не смотреть по сторонам. Она знала: если слишком пристально вглядываться в стык стены и асфальта, можно заметить, как там шевелится воздух — будто пытается завязать узел из самого себя. А если почувствовать этот узел кожей, он потом будет зудеть весь день, напоминая о себе.

Она как раз пыталась не замечать очередной такой стык, когда тень у мусорных баков шевельнулась — и назвала её по имени.

— Кира Вель.

Голос был негромкий, но очень чёткий, будто каждое слово кто-то аккуратно вырезал из тишины и положил на воздух.

Кира остановилась. Тень не двигалась, но теперь в ней угадывались очертания человека. Не настоящего, конечно. Такие фигуры в городе появлялись редко, и Кира знала правило: не подходить, не отвечать, не вступать в разговор. Воспитатели говорили, что это «сбои времени» — когда прошлое на секунду проглядывает сквозь настоящее.

Но эта тень не просто проглядывала. Она смотрела.

— Ты слышишь связи, — сказала тень, и голос у неё был не как у призрака, а как у кого-то очень усталого, но упрямого. — Ты их чувствуешь. Это редкость.

Кира сжала кулаки. Пальцы кольнуло знакомым покалыванием — будто по коже пробежала тонкая нить.

— Кто ты? — прошептала она, хотя знала, что не должна задавать вопросы.

Тень чуть наклонила голову. В её очертаниях мелькнули детали: длинное пальто, цепочки, часы. Всё это было смутным, как рисунок, который стирают ластиком, но ещё не стёрли до конца.

— Меня зовут Эран, — сказала тень. — Я куратор первого курса в Часовом Доме. В Академии Узлов.

Кира отступила на шаг. Академия Узлов была легендой, о которой шептались в приюте: школа, где учат видеть, как мир держится на нитях. Но никто не верил, что туда берут обычных детей. Тем более из приюта.

— Это шутка, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Кто-то стоит за углом и говорит через динамик.

Тень не улыбнулась. Она просто протянула руку — и в воздухе над ладонью медленно проявился узор: переплетённые линии, похожие на узлы. Они не были нарисованы. Они будто висели в воздухе, как морозные рисунки на стекле, только живые.

Кира почувствовала, как по спине пробежал холод, а кожа на пальцах заныла, отзываясь на эти линии. Это были настоящие связи. И они тянулись не только к тени, но и дальше — в город, в стены, в небо, в саму Киру.

— Я не из этого момента, — сказал Эран. — Я из того, где ты уже согласилась пойти со мной. Но чтобы это случилось, нужно, чтобы ты сделала первый шаг сейчас.

Кира покачала головой.

— Не бывает шагов из будущего в прошлое.

— В этом городе бывает, — спокойно ответил Эран. — Здесь время не линия. Оно — узел. И иногда он затягивается в обратную сторону.

В этот момент переулок дрогнул. Кирпичи на стене будто сдвинулись на полсантиметра, асфальт пошёл рябью, как вода, а тень Эрана стала плотнее, реальнее. Теперь Кира видела не только пальто и часы, но и морщинки у глаз, и лёгкую усталость в лице.

— Если ты не пойдёшь сейчас, ты никогда не узнаешь, куда пропала твоя сестра, — тихо сказал Эран.

Кира замерла. Сердце забилось так громко, что заглушило даже тишину переулка.

— Откуда ты знаешь про Миру?

— Потому что она тоже чувствовала связи. И она была в Академии. До того, как исчезла.

Кира сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Когда она подошла к тени вплотную, та перестала быть тенью. Это был настоящий человек — живой, тёплый, с запахом старого дерева и чернил.

— Держи, — Эран протянул ей маленький предмет: тонкую металлическую пластинку с выгравированным узором.

Кира взяла её. И в тот же миг по коже прокатилась волна ощущений: она вдруг увидела целую сеть линий, расходящихся от пластинки по переулку, цепляющихся за углы, за фонари, за крыши. Это был маяк. Он показывал путь туда, где реальность была крепче, а узлы — яснее.

— Это ключ, — сказал Эран. — Он не откроет дверь. Он поможет тебе увидеть, где дверь должна быть.

И правда: стоило Кире сжать пластинку в ладони, как в стене между двумя домами проявился проём. Не дверь, не арка, а просто место, где кирпичи сложились иначе, будто ждали, когда их заметят.

За проёмом была улица, какой Кира никогда не видела: фонари горели бледно-голубым, тени тянулись не туда, куда положено, а дома стояли так, будто их строили не по линейке, а по памяти.

— Часовой Дом ищет тех, кто видит узлы, — сказал Эран, шагнув в проём. — Сегодня он нашёл тебя.

Кира посмотрела на пластинку, потом на улицу, потом снова на Эрана. В голове крутилось столько вопросов, что они мешали друг другу выстроиться в слова. Но один вопрос всё-таки прорвался:

— А если я не смогу? Если я только вижу, но не умею ничего делать?

Эран чуть улыбнулся.

— Видеть — это уже действие. Иногда самое важное.

Кира глубоко вдохнула. И шагнула вперёд.

Проём за её спиной тихо щёлкнул, будто закрылся не кирпичом, а временем. Переулок приюта исчез, будто его и не было. Теперь Кира стояла на узкой улице, где воздух звенел от невидимых нитей, а каждый дом смотрел на неё, как будто знал, что она пришла.

Рядом с Эраном из-за угла выскочила девочка примерно Кириного возраста, с растрёпанными волосами и горящими глазами.

— Ну наконец-то! — выдохнула она. — Я думала, ты вообще не решишься. Тут время иногда любит подшутить и дать человеку лишнюю минуту сомнений. Меня зовут Лия. Я буду твоим проводником, пока ты не научишься видеть двери сама.

Следом за Лией появился мальчик, который почти не смотрел по сторонам, будто боялся спугнуть тишину.

— Тоби, — тихо представился он, прислушиваясь к чему-то, чего Кира не слышала. — Я слышу, как узлы звенят. Если ты будешь рядом, постарайся не делать резких движений. Иногда от них узлы рвутся.

Кира кивнула, ещё не до конца понимая, что происходит, но чувствуя, как сеть связей вокруг становится всё яснее. Она не знала, сколько времени займёт дорога к сестре, сколько

мгновений жизни придётся за это отдать. Но она знала одно: теперь у неё есть путь. И он начинается здесь, в городе, где время умеет ждать.

Глава 2. Первый урок: цена одной нити

Часовой Дом не просто менялся — он будто прислушивался к тому, кто в него входил. Пока Кира шла по коридору рядом с Эраном, двери сами собой смещались, таблички переворачивались, а пол под ногами слегка вибрировал, будто здание проверяло: «Ты точно сюда? Ты готова видеть то, что скрыто?»

Лия шагала впереди и болтала без остановки — так, будто слова помогали ей не потерять равновесие в этом странном месте.

— Тут главное правило: если видишь дверь, которая ведёт в кладовку, не верь глазам. Скорее всего, за ней лестница на третий этаж. Или вообще выход на крышу. А однажды я зашла в шкаф и оказалась в библиотеке. Правда, библиотека потом обиделась, что я её не позвала, и исчезла на два дня. Но это нормально. Тут все места с характером.

Тоби шёл позади, почти не отрывая взгляда от пола. Он не столько смотрел, сколько слушал: шаги, скрип половиц, далёкий гул часов где-то в стенах.

— Тише, — тихо попросил он, когда Лия слишком громко хлопнула ладонью по стене, проверяя, настоящая ли она. — Узлы не любят резких звуков. Они могут ослабнуть. Или, наоборот, затянуться там, где не надо.

Кира вдруг поняла, что чувствует это: от хлопка по стене по воздуху пробежала тонкая дрожь, как круги по воде. Она не видела саму нить, но ощущала, как она дрожит.

Они остановились перед аркой, которой минуту назад тут не было. Над ней висела табличка, которая будто не хотела стоять ровно: буквы на ней слегка плыли, как в отражении на воде.

«Зал Узлов. Только для учеников первого года. Держите ритм. Не торопитесь. И не пытайтесь обмануть время.»

Эран остановился и посмотрел на Киру.

— Сейчас ты увидишь, как завязывают узел. И поймёшь, почему за это приходится платить.

Внутри зал оказался круглым, без окон, зато с сотней часов на стенах — больших, маленьких, песочных, механических, даже таких, у которых вместо стрелок были тонкие нити, медленно ползущие по кругу. В центре стоял стол, а на нём — обычная стеклянная чашка.

Несколько ребят уже сидели на скамьях, прижавшись друг к другу, будто так было спокойнее. Кто-то нервно крутил пуговицу на мантии, кто-то смотрел на часы так, будто пытался угадать, который час на самом деле.

— Сегодня мы не будем создавать что-то большое, — сказал Эран, встав у стола. — Мы попробуем самое простое: узел, который не даст чашке разбиться.

Он взял чашку и поставил её на край стола. Потом медленно провёл пальцами по воздуху над ней, и Кира вдруг увидела тонкую линию — не глазами, а кожей: она почувствовала, как воздух натягивается, будто кто-то тянет невидимую нить.

— Это временная петля, — пояснил Эран, не отводя взгляда от чашки. — Она не даёт удару пройти насквозь. Если узел крепкий, чашка останется целой, даже если её уронить.

И он уронил чашку.

Она ударилась о пол — и не разбилась. Покатилась, звякнула, но осталась целой.

В зале кто-то выдохнул. Кто-то прошептал: «Как?»

А Кира почувствовала другое: пока узел держался, по её коже бежало странное ощущение — будто время вокруг сжималось, становилось плотнее, и из этого сжатия что-то утекало. Не тепло, не воздух, а именно мгновения.

Эран выпрямился. На его виске блестела капля пота, а в уголках глаз появились новые морщинки — будто за эти несколько секунд он стал чуть старше.

— Цена, — тихо сказал он, глядя на ребят. — За каждый узел мы отдаём немного своего времени. Не годы, не месяцы. Часто — секунды. Но они складываются. И если ты будешь часто и небрежно завязывать узлы, однажды ты проснёшься и поймёшь, что прожил меньше, чем думал.

Лия подняла руку.

— А если не делать узлы? Если просто… ну, надеяться, что чашка не разобьётся?

— Тогда она разобьётся, — спокойно ответил Эран. — Мир держится на связях. Мы их не создаём — мы их находим и укрепляем. Или рвём. И каждое наше действие меняет баланс.

Он подошёл к столу и взял маленькую песочные часы. Перевернул их. Песок посыпался вниз, но не ровно, а будто цепляясь за невидимые преграды.

— Сейчас каждый попробует завязать простой узел. Только не на чашке — на верёвочке. Это безопаснее. Ваша задача — сделать так, чтобы узел не развязался сам по себе, даже если его трясти. Но помните: узел должен быть честным. Нельзя «обмануть» связь. Если вы попытаетесь привязать то, что не связано, узел станет опасным. Он может потянуть за собой другие связи — и тогда пострадает не только чашка, а, скажем, дверь, или коридор, или чья-то память.

На столах появились мотки тонкой бечёвки. Ребята начали пробовать: кто-то торопливо завязывал узлы, кто-то, наоборот, боялся прикоснуться к верёвке.

Кира взяла свою бечёвку. Она была шершавой, тёплой, будто помнила чьи-то руки. Кира закрыла глаза и попыталась почувствовать, где на ней уже есть слабые связи — где волокна сцепились друг с другом, где они лежат ровно, а где перекручены.

И вдруг она поняла: узел — это не про силу. Это про внимание. Про то, чтобы найти место, где волокна уже хотят держаться вместе, и просто помочь им.

Она завязала узел. Не туго, не крепко, а так, будто шепнула верёвке: «Останься здесь».

И почувствовала, как по пальцам пробежала лёгкая дрожь — совсем короткая, как выдох. Что-то ушло. Совсем немного. Но ушло.

Когда она открыла глаза, Лия трясла свой узел, и он развязался. Тоби сидел неподвижно, будто боялся сделать лишнее движение. Его узел остался целым, но выглядел каким-то напряжённым, будто хотел сам себя развязать.

Эран подошёл к Кире.

— Ты не тянула нить силой, — сказал он тихо, чтобы слышала только она. — Ты её нашла. Это редкий дар. И очень опасный, потому что такие узлы держатся крепче. А значит, и цена у них… чуть выше.

Кира сжала пальцы.

— Я отдала время?

— Совсем немного, — кивнул Эран. — Но ты это почувствовала. Значит, будешь осторожнее.

В этот момент часы на стене издали странный звук — не бой, а будто вздох. И одна из стен слегка сдвинулась, открывая новый проход.

Лия вскочила.

— О, смотрите! Это, наверное, ведёт к столовой! Или к выходу на крышу! Или…

Но Тоби вдруг поднял голову и прислушался.

— Нет, — шёпотом сказал он. — Это не проход. Это… разрыв.

Кира почувствовала то же самое: в том месте, где открылась дверь, воздух был не натянут, а порван. Как ткань, которую резко дёрнули. Там не было узла — там была дыра.

— Кто-то рвёт связи, — прошептал Тоби, будто сам себе не веря.

Эран резко повернулся к проходу. Лицо его стало жёстким, будто из него на секунду ушла мягкость.

— Никому не двигаться, — тихо, но твёрдо сказал он. — Если это то, о чём я думаю, любое движение может сделать разрыв больше.

Кира смотрела на дыру в стене и вдруг поняла: она знает, где искать сестру. Не по следам, не по памяти, а по таким вот разрывам. Потому что Мира тоже чувствовала связи. И если она пропала, значит, где-то есть место, где узел был разорван. И, возможно, именно там её и держат.

Или именно оттуда она пыталась уйти.

— Можно я помогу? — тихо спросила Кира, сама удивляясь своей смелости.

Эран посмотрел на неё долго, будто взвешивал не слова, а саму её готовность.

— Пока нет, — сказал он наконец. — Сначала ты должна научиться видеть узлы, а не дыры. Потому что, если ты попытаешься завязать узел там, где есть разрыв, ты можешь потерять больше, чем несколько секунд. Ты можешь потерять путь назад.

Зал снова вздохнул, будто соглашался с ним. Часы на стенах тикали чуть громче, будто торопили время.

— А теперь все положите верёвки и слушайте, — сказал Эран уже громче, возвращаясь к роли куратора. — Сегодня вы научились одному: узел — это не волшебство. Это ответственность. И каждый из вас теперь знает: когда ты что-то связываешь, ты меняешь мир. Даже если это всего лишь чашка. Или верёвка. Или чьё-то воспоминание.

Кира посмотрела на свой узел. Он был простым, почти незаметным. Но она знала: он держится. И она тоже будет держаться. Ради сестры. Ради этого странного, живого города. Ради того, чтобы научиться не рвать, а связывать.

Глава 3. Библиотека, которая не хотела говорить

После урока в Зале Узлов всё в Часовом Доме будто стало звучать громче: половицы скрипели с интонацией, часы отбивали не просто время, а целые фразы, а тени на стенах шептались между собой, когда никто не смотрел. Кира теперь замечала это всё — и не потому, что мир изменился, а потому, что она наконец перестала от него отворачиваться.

Лия вела её по коридору, который, по её словам, «сегодня вроде бы ведёт туда, куда надо», но Кира уже поняла: в Часовом Доме «вроде бы» — это почти гарантия, что ты окажешься не там, где планировал.

— Главное — не спорить с дверями, — шептала Лия, будто стены могли услышать и обидеться. — Если дверь не открывается, значит, она просто не готова. Или ты не готов. Или сейчас вообще не время. Тут время решает, кому что показывать.

Тоби шёл позади и прислушивался к чему-то, чего Кира не слышала. Иногда он резко останавливался, поднимал руку, и они замирали, пока он не кивал: «Можно».

— Что ты слышишь? — спросила Кира однажды.

— Как узлы звенят, — тихо ответил Тоби. — Иногда тихо, как комариный писк. А иногда так, будто кто-то дёргает за струну. Если узел рвётся, звук становится пустым. Как дыра в тишине.

Кира вспомнила тот проём в стене — тот самый, который Тоби назвал разрывом. С тех пор она старалась замечать такие «пустые» места: там, где воздух не натягивался, а проваливался, будто земля ушла из-под ног.

Сегодня их целью была библиотека. Не обычная, а та, что «знает больше, чем говорит», как выразился Эран. Он дал Кире задание: найти любую запись о пропавших учениках за последние пять лет. О Мире там могло и не быть — она пропала год назад, но если кто-то ещё исчезал похожим образом, это могло стать ниточкой.

— Библиотека прячется, — предупредила Лия, когда они остановились перед ничем не примечательной стеной с облупившейся краской. — Она не любит, когда её ищут нарочно. Лучше делать вид, что идёшь мимо, а потом просто шагнуть туда, где вдруг станет темнее.

И правда: стоило Кире сделать вид, что она смотрит на трещину в стене, как рядом с ней воздух сгустился, потемнел, и из этой темноты проступила арка с резными буквами: «Библиотека Часового Дома. Входите, если помните, зачем пришли».

Внутри пахло старым деревом, пылью и чем-то острым, как лимонные корки. Полки уходили вверх, теряясь в полумраке, а книги стояли не по алфавиту и не по темам — они будто сами выбирали, где им стоять. Некоторые шевелили уголками страниц, будто прислушивались к разговору.

— Тут нельзя просто взять книгу с полки, — шёпотом сказала Лия. — Нужно попросить. И лучше вежливо. Одна девочка как-то сказала «дайте мне вот ту», и книга улетела ей в лоб. Потом три дня не открывалась.

Кира подошла к ближайшему стеллажу и тихо сказала:

— Мне нужны записи о пропавших учениках. Пожалуйста.

Книга на полке чуть дрогнула, потом медленно выдвинулась вперёд, словно кланяясь. Кира осторожно взяла её. Обложка была тёмно-синей, без названия, но когда она открыла первую страницу, там сами собой проступили строчки:

«Пропавшие ученики. Архив. Только для кураторов и старших исследователей. Доступ ограничен. Нарушение правил влечёт потерю времени.»

Кира вздрогнула. «Потеря времени» звучало слишком буквально, чтобы быть просто угрозой.

— Не бойся, — Тоби подошёл ближе и положил ладонь на край страницы, будто хотел удержать её, если книга вдруг решит захлопнуться сама. — Она проверяет, насколько тебе это важно. Если ты просто любопытна — она ничего не покажет. Если ты ищешь кого-то… тогда может помочь.

Кира сжала пальцы.

— Я ищу свою сестру, — сказала она, глядя прямо в тёмные строчки, будто они были чьими-то глазами. — Её зовут Мира Вель. Она пропала год назад. Я знаю, что она чувствовала связи, как и я. И я думаю, что это как-то связано с разрывами в городе.

На странице что-то шевельнулось. Буквы поплыли, перестроились, и перед Кирой появилась короткая запись:

«Мира Вель. Ученица второго года. Пропала 17 октября прошлого года. Последний раз замечена в районе Северных Перекрёстков, где время течёт нестабильно. Причина исчезновения неизвестна. Дело закрыто куратором Эраном К.»

Кира почувствовала, как по спине пробежал холод. «Закрыто». Значит, кто-то уже искал. Кто-то, кто знал её сестру. Кто-то, кто теперь учит Киру.

— Эран закрыл дело, — прошептала она.

Лия нахмурилась.

— Странно. Обычно такие дела не закрывают, пока не найдут человека. Или хотя бы не поймут, куда он делся.

Тоби вдруг поднял голову.

— Тише, — сказал он, прислушиваясь. — Кто-то идёт.

Из темноты между полками появилась фигура. Высокая, в длинном плаще, с капюшоном, скрывающим лицо. Человек двигался так, будто знал каждый сантиметр библиотеки, и это место его не пугало — оно ему подчинялось.

Он остановился у соседнего стеллажа, провёл рукой по корешкам, и одна из книг сама прыгнула ему в ладонь. Он открыл её, и Кира успела заметить узор на странице — такой же, как на пластинке, которую ей дал Эран: переплетённые линии, узлы.

Незнакомец замер. Потом медленно поднял голову. Капюшон чуть сдвинулся, и в полумраке блеснули глаза — холодные, внимательные, будто он уже знал, кто перед ним.

— Вы не должны быть здесь, — сказал он тихо, но твёрдо. — Библиотека не для новичков. Она показывает только то, что готова показать.

— Мы ищем информацию о пропавшей ученице, — ответила Кира, стараясь, чтобы голос не дрожал. — О моей сестре.

Незнакомец чуть наклонил голову, будто взвешивал её слова.

— Мира Вель, — произнёс он, и от того, как он это сказал, у Киры похолодели пальцы. — Да. Я помню это имя.

— Вы её знали? — Кира шагнула вперёд, забыв про осторожность.

— Достаточно, чтобы понимать: если ты её ищешь, тебе не стоит доверять всему, что тебе говорят в Академии.

Он сделал шаг ближе, и воздух вокруг него натянулся, как струна. Кира почувствовала, как узлы в комнате напряглись, будто ждали, что он сделает дальше.

— Кто вы? — спросила она.

— Тот, кто помнит, что цена магии — не только время, — ответил он. — Иногда это ещё и память. А память тут стирают быстро, если она становится неудобной.

В этот момент часы в библиотеке издали странный звук — не бой, а будто вздох, полный усталости. Полки дрогнули, книги зашелестели страницами, и незнакомец резко обернулся, будто услышал что-то, чего не хотели слышать остальные.

— Уходите, — быстро сказал он, уже не так спокойно. — Сейчас. Пока вас не заметили те, кто следит за такими поисками.

— Но мы только начали…

— Именно поэтому, — перебил он. — Чем дольше ты ищешь, тем больше узлов ты трогаешь. А каждый узел — это след. И кто-то его читает.

Он протянул руку и коснулся одной из полок. Дерево под его пальцами потемнело, будто впитало тень, и между стеллажами появилась узкая дверь, которой секунду назад не было.

— Через неё выйдете в коридор у столовой. Она будет открыта ровно тридцать секунд. Не опаздывайте.

Кира хотела спросить ещё что-то, но Лия уже тянула её за рукав.

— Пошли! — шёпотом крикнула она. — Я не хочу узнать, что значит «потеря времени» на практике!

Они побежали. Тоби замыкал цепочку, оглядываясь, будто хотел запомнить, как выглядит этот человек.

Дверь действительно была открыта. Они проскочили в неё, и она тут же захлопнулась за их спинами, будто её и не было. Коридор пах жареным луком и корицей — обычный, спокойный, без намёка на магию.

Только Кира всё ещё чувствовала на коже лёгкое покалывание — от узлов, которые они потревожили. И от слов незнакомца, которые не давали покоя: «Тебе не стоит доверять всему, что тебе говорят».

Лия выдохнула и прислонилась к стене.

— Ну, зато теперь мы знаем, что библиотека живая. И что она не любит гостей.

Тоби посмотрел на Киру.

— Ты в порядке?

Кира кивнула, но это было не совсем правдой. Она держала в руках листок с записью о сестре, и слова «дело закрыто куратором Эраном К.» жгли пальцы, как горячие угли.

— Нам нужно поговорить с Эраном, — сказала она тихо. — Прямо сейчас.

Лия вздохнула.

— Ладно. Но если он скажет, что мы не должны были туда ходить… я скажу, что это была моя идея.

— Нет, — покачала головой Кира. — Это была моя идея. И я должна узнать правду. Даже если она окажется не такой, какой я её себе представляла.

Глава 4. Цена одного вопроса.

После побега из библиотеки Кира не могла отделаться от ощущения, что за ней кто-то наблюдает. Не глазами — а самой тканью времени: будто воздух в коридорах Часового Дома стал плотнее, будто кто-то осторожно тянул за невидимые нити, проверяя, насколько крепко они держатся.Она не рассказала Лие и Тоби про строчку «дело закрыто куратором Эраном К.». Слова будто застряли у неё в горле, тяжёлые и колючие. Вместо этого она повторяла себе: «Сначала узнаю, что библиотека захочет мне дать. Потом буду думать про Эрана».А библиотека, как оказалось, не собиралась отпускать Киру просто так.Это началось ночью. Кира проснулась от того, что подушка под её головой слегка вибрировала — будто по ткани бежали крошечные волны. Она села, вглядываясь в темноту спальни для новичков, где на полках тихо перешёптывались тени. И вдруг увидела: на тумбочке лежала книга.Та самая. Тёмносиняя, без названия, с уголками, будто потрёпанными не годами, а чьимито торопливыми пальцами.Кира замерла. Её не было здесь, когда она засыпала. Она точно помнила.— Ты не спишь, — прошептал голос из темноты. Это был Тоби. Он сидел на своей кровати, подтянув колени к груди, и смотрел на книгу так, будто она могла в любой момент прыгнуть.— Она… пришла сама? — спросила Кира.Тоби кивнул.— Библиотека так делает. Если ты ей интересен, она приходит. И не всегда с хорошими новостями.Лия заворочалась, потом резко села, щурясь.— Ой, это та самая? Та, что чуть не дала мне по лбу?Кира медленно протянула руку и коснулась обложки. И в тот же миг почувствовала знакомый укол: по коже пробежала тонкая дрожь, будто книга проверяла, та ли это Кира, которая вчера просила о Мире.Книга сама раскрылась. На странице, где раньше была только сухая запись, теперь тянулась новая строчка — будто кто-то дописал её чернилами, которые переливались, как капли ртути:«Чтобы узнать больше, спроси правильно. Но помни: каждый вопрос — это узел. А каждый узел требует платы.»Ниже, мелким почерком, будто добавленным в спешке, шла приписка:«Цена — не время. Цена — память. Один маленький фрагмент. То, что ты вспомнишь реже всего.»Кира похолодела.— Память? — прошептала Лия. — То есть… я забуду что-то?— Не ты, — тихо сказал Тоби, не сводя глаз со строчки. — Та, кто спрашивает.Кира сжала пальцы. В голове пронеслось сразу всё: запах приюта, скрип половиц, лицо Миры в тот день, когда она ушла за хлебом. И ещё — одна крошечная деталь, которую Кира и правда почти не вспоминала: Мира перед уходом наклонилась, подняла с пола пуговицу и сказала: «Смотри, она в форме звёздочки. Пусть она тебя хранит». Кира тогда только фыркнула: «Я не маленькая». А Мира улыбнулась и положила пуговицу ей в карман.Эта пуговица до сих пор лежала у Киры в шкатулке. Но сама фраза почти стёрлась из памяти.— Я готова, — сказала Кира вслух, будто проверяя, не дрогнет ли голос.Страница снова шевельнулась. Буквы сложились в вопрос:«Что ты хочешь узнать о Мире Вель?»Кира закрыла глаза. И сказала чётко, чтобы не было двусмысленности:— Хочу узнать, где она была в последние минуты перед исчезновением. Хочу увидеть это место. Не описание. Не слова. А именно увидеть.На странице вспыхнул узор — тот самый, что был на пластинке-ключе. Линии задвигались, сплетаясь в крошечный вихрь. И вдруг воздух перед Кирой дрогнул, как над горячей плитой.Из этого дрожания начала проявляться картинка. Не как фотография, а как воспоминание, собранное из света и теней: Северные Перекрёстки. Узкая улица, зажатая между высокими домами. Фонарь, который мигает, будто не может решить, гореть ему или нет. И посреди улицы — тёмное пятно, похожее на пролом в воздухе.А рядом с этим проломом стояла Мира.Кира узнала её по плащу — потёртому, с заплаткой на плече, которую она сама пришивала. Мира смотрела на пролом, будто пыталась что-то в нём разглядеть. Потом протянула руку. И в тот момент, когда её пальцы коснулись края пролома, картинка замерла, а затем рассыпалась на искры.В ушах у Киры зазвенело, как от резкого удара по стеклу. И вместе с этим звоном из головы исчезло что-то тёплое и хрупкое.Пуговица-звёздочка.Кира вдруг поняла, что

не может вспомнить, как она выглядела. Помнила, что была в форме звезды. Помнила, что Мира её подняла. Но цвет, размер, материал — всё стёрлось, будто кто-то аккуратно вырезал этот кусочек из её памяти.— Кира? — Лия тронула её за плечо. — Ты побледнела.Кира покачала головой, пытаясь удержать ускользающий образ. Но он не держался.— Всё в порядке, — проговорила она, хотя это было неправдой. — Я просто… увидела.Тоби смотрел на закрытую книгу.— Она взяла плату, — сказал он тихо. — И дала ответ. Это по правилам библиотеки.Кира провела пальцами по обложке.— Ещё один вопрос, — прошептала она. — Только один. Хочу узнать, кто мог открыть тот пролом. Кто умеет рвать узлы.Книга не шевельнулась. Страница осталась пустой. Но по краям букв пробежала тёмная рябь, будто чернила замерзали.И тогда из глубины книги прозвучал голос — не словами, а ощущением, как будто кто-то шептал прямо в висок:«Есть те, кто рвёт узлы, чтобы освободить время. Они говорят, что делают это ради свободы. Но свобода без связей — это хаос. Имя того, кто открыл пролом на Северных Перекрёстках, скрыто под печатью куратора. Его нельзя назвать просто так.»Кира почувствовала, как по спине пробежал холод. Печать куратора. Эран.— Он знает больше, чем говорит, — пробормотала она.— Или защищает что-то важное, — возразил Тоби. — Тут все защищают. Даже библиотека.Лия вдруг схватила книгу и прижала к себе, будто хотела её успокоить.— Хватит, — сказала она твёрдо, обращаясь к страницам, как к живому существу. — Хватит с неё на сегодня. Ты уже взяла кусочек. Больше не надо.И книга, будто услышав, тихо щёлкнула, закрываясь. Узор на обложке погас, и она стала просто книгой — старой, тяжёлой, но уже не светящейся изнутри.— Спасибо, — тихо сказала Кира, хотя не знала, к кому обращается: к Лие, к Тоби или к самой библиотеке.Тоби посмотрел на неё внимательно.— Теперь ты знаешь, где была Мира. И знаешь, что кто-то не хочет, чтобы об этом говорили. Но ты не одна. Мы можем пойти туда. Не сейчас. Когда будет безопасно.Кира кивнула. Она не чувствовала себя в безопасности. Но впервые с момента исчезновения сестры у неё был не просто клубок догадок — а настоящая ниточка. Пусть и оплаченная кусочком памяти.За окном начало сереть: приближался рассвет. В Часовом Доме рассвет был особенным — он не разгонял тени, а заставлял их перестраиваться, менять форму, будто город готовился к новому дню, который мог оказаться совсем не таким, как предыдущий.Кира встала, подошла к окну и посмотрела на улицу. Там, вдалеке, между крышами, мелькнул знакомый силуэт — высокий, в длинном пальто, с цепочками часов. Эран шёл по двору, будто знал, что она смотрит.Он остановился, поднял голову, будто прислушиваясь к чему-то. И на секунду Кире показалось, что он тоже чувствует, как дрожит воздух от того, что она только что сделала.Потом он повернулся и пошёл дальше.— Сегодня у нас занятие по чтению узлов в городской среде, — сказал Тоби, вставая и потягиваясь. — Эран хочет, чтобы мы научились отличать старые связи от новых.Кира глубоко вдохнула. Сегодня ей придётся смотреть Эрану в глаза. И она уже знала, что не сможет спросить прямо. Но сможет наблюдать. Сможет слушать. Сможет искать узлы, которые он старается не замечать.Потому что теперь она понимала: в Часовом Доме правда прячется не в словах. Она прячется в разрывах. И Кира научится их видеть.

Глава 5. Узлы на ветру

Утро в Часовом Доме пахло пылью, нагретым деревом и чем-то острым — будто само время здесь было пряным, как перец. Сегодняшнее занятие Эран решил провести не в зале, а на улице: он хотел, чтобы ученики научились видеть узлы там, где их никто не ждёт — в переплетении улиц, в стыках крыш, в том, как ветер цепляется за углы домов.

— Город — это тоже узел, — говорил Эран, стоя на краю небольшой площади, где тени лежали не туда, куда указывало солнце. — Он держится на связях: между домами, между людьми, между минутами. Если вы научитесь их видеть, вы поймёте, где реальность крепче, а где она вот-вот порвётся.

Кира старалась не смотреть на Эрана слишком пристально. После ночи с библиотекой она не знала, как теперь с ним разговаривать: как с тем, кто закрыл дело сестры, или как с тем, кто может ей помочь. Поэтому она смотрела на город. И город отвечал.

Она видела: вот здесь, у фонарного столба, воздух чуть плотнее — будто кто-то когда-то крепко связал этот угол с соседней улицей. А вот там, у арки, связь была старой и потрёпанной, как верёвка, которую много раз дёргали. И ещё она видела места, где узел был не просто слабым — а разорванным. В таких местах ветер не обтекал стены, а проваливался в них, как вода в трещину.

Лия ходила по площади, размахивая руками, будто пыталась поймать воздух.

— Я чувствую, что тут что-то есть, — ворчала она. — Но не понимаю, где схватить. Это как пытаться удержать дым.

Тоби стоял неподвижно, закрыв глаза, и слушал.

— Там, у арки, — тихо сказал он, не открывая глаз, — узел звенит неправильно. Как расстроенная струна.

Эран кивнул.

— Хорошо. Значит, ты слышишь искажение. Теперь скажи: это просто износ или кто-то намеренно его ослабил?

Тоби нахмурился, прислушиваясь.

— Не знаю. Звук… будто его кто-то дёргал. Недавно.

Кира подошла к арке. Она не слышала, как звенят узлы, но чувствовала, как они вибрируют под кожей. Здесь вибрация была рваной, неровной — будто кто-то пытался завязать узел в спешке, дёргая за нити, а не укладывая их аккуратно.

И вдруг она увидела ещё кое-что. Не узел. А метку.

На кирпиче, чуть выше уровня глаз, был выцарапан узор: три пересекающиеся линии, образующие нечто похожее на незамкнутый треугольник. Линии были свежими, будто их сделали вчера.

— Смотрите, — тихо сказала Кира, указывая на метку.

Эран подошёл и посмотрел. Его лицо на секунду стало жёстким, будто из него ушла вся мягкость.

— Кто-то был здесь недавно, — проговорил он, проводя пальцем по царапинам, но не касаясь их. — И он знал, что делает.

Лия наклонилась, разглядывая узор.

— Это чей-то знак? Как подпись?

— Да, — коротко ответил Эран. — Это метка тех, кто умеет рвать узлы. Они оставляют такие знаки там, где вмешиваются в ткань времени.

Кира почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Значит, тот пролом, который я видела… его кто-то сделал специально?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.